

— Такъ чего-жъ вы тутъ цѣлый часъ галдѣли?—воскликнулъ Писарекъ.—Ай меня до сихъ поръ не знаете? Тѣфу вы, дуrolомы, право! Нѣтъ на васъ пропасти...

— И то, братцы!—обратился дядя Кукишъ къ остальнымъ своимъ товарищамъ.—Видно ужъ обуха плетью не перешибешь, видно такъ тому и быть... По рукамъ, что ли? По крайности Миколай Оадѣвичъ попоштуетъ насъ при договорѣ.

— За этимъ пустякомъ дѣло не станетъ: пожалуй—четверть вамъ жертвую, такъ и быть.

— Покорно благодарствуемъ, Миколай Оадѣвичъ. Такъ что же, братцы? Слышали вы? Рѣшайте, что ли, и въ самъ дѣлѣ. Чего еще ждатель-то, какого рожна?

— Рѣшать надуть, это такъ точно... Видно, какъ ни гадай, а податься вѣдь некуда... Видно, ужъ пусть будетъ, какъ ихъ милость приказываютъ: ослушаться мы не должны...

— И премилое дѣло.

Николай Оадѣвичъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы написать племянницѣ ордеръ на бесплатную выдачу предъявляемымъ «четверти» изъ питейнаго заведенія.

Между тѣмъ, на богодуховскомъ проселкѣ показался густой столбъ пыли, который съ необычайной быстротой летѣлъ въ направленіи къ Верхнему Хутору.

— А вѣдь это, должно, краснопольскій управитель будетъ,—замѣтилъ одинъ изъ собравшихся у крыльца крестьянъ.—Кололець быдто сходственный.

— Онъ и есть,—подтвердилъ дядя Кукишъ.

Дѣйствительно, когда Писарекъ вновь появился на крыльцѣ, съ ордеромъ въ рукахъ, во дворъ къ нему уже влетала тройка съ конюшенъ князя Убромскаго, и самъ Оедоръ Карловичъ Тапферъ торопливо вылѣзалъ изъ тарантаса.

— Николай Оадѣвичъ!—воскликнулъ онъ еще на ходу, не успѣвая даже сказать: «здравствуйте».—Мнѣ нужно поговорить съ вами по очень важному дѣлу. Вы одни?

— Одинъ, одинъ, пожалуйста. Что случилось?

Управляющій, войдя въ кабинетъ, съ силой бросилъ свою фуражку на стулъ.

— Ну, Николай Оадѣвичъ,—сказалъ онъ сурово,—теперь страслась бѣда, отворяй ворота.

— Что такое? Господи!..

Новости, привезенныя Писарьку агрономомъ, были дѣйствительно почти неправдоподобнаго свойства.

Князь Убромскій, отъѣзжая въ Петербургъ и притомъ въ